

УДК 821.161.1-31(479.24)
ББК 84(5Азе)-44
С21

Оформление серии и иллюстрация
на обложке *А. Харитоновой*

Сафат, Ильгар.
С21 Моя необработанная форма / Ильгар Сафат. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-100563-4

«Моя необработанная форма» — это психологический триллер о боксере по прозвищу «Голем». Он чемпион, но мало кто знает, что ни слава, ни деньги не приносят ему удовольствия. Тяжелое детство превратило его в монстра, который испытывает яркие эмоции, только впадая в неистовство. Параллельно с историей боксера мы видим жизнь успешного писателя, прошедшего сложный путь к успеху, но потерявшего по дороге психическое равновесие. Такие разные люди, но есть тайна, которая их объединяет...

УДК 821.161.1-31(479.24)
ББК 84(5Азе)-44

ISBN 978-5-04-100563-4

© Сафат И., текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Мышление — это путешествие
на тот свет!

1. БЫЛ ЛИ Я ЧЕЛОВЕКОМ?

Ближе к вечеру разум вступает в силу. Днем его просто не было. Днем не было ничего. Лишь несколько мгновений солнца, сочащегося сквозь листья чинары, но это не в счет. Нет, если напрячься, то, конечно, можно многое вспомнить. Например, звуки музыки, доносившиеся с улицы. Звуки музыки и шум ветра. Они вместе с солнцем путались в листьях, и это спасало от безумия. Безумием было не отсутствие мысли, а агрессия внешнего мира, отгородиться от которого не помогла даже листва чинары. Музыка вернула меня в ускользающую реальность.

Да, еще было несколько телефонных звонков, несколько бессмысленных разговоров, но о них и вспоминать не хочется. Ни о чем не хочется вспоминать. Ни о чем. Жизнь остановилась, как локомотив, у которого закончилось топливо. Полная дисфункция. Апатия. Тупик. Нежелание жить. Пустота. Если нет мышления, то какое значение имеет все остальное? Весь день я пролежал в постели, смотрел в окно на покачивающееся от ветра дерево.

Но едва закатилось солнце и окно стало черным, что-то во мне пробудилось, что-то незначи-

тельное, но неизбежное. Вероятно, сознание. Или нечто, напоминающее сознание. Нервы, как нити на пальцах кукловода, натянулись. Я снова стал тем, чем, как мне кажется, был прежде. Человеком. Хочется повторить это слово еще раз, но уже со знаком вопроса. Человеком? Разве я был им когда-нибудь? Человеком! Не уверен. Правда, я в этом не уверен.

2. ФОТОНЕГАТИВЫ

Какой я кретин. Несколько лет в сыром подвале я хранил свои фотонегативы. И вот недавно достал их из коробки, дно которой прогнило и кишело червями. Поверхность пленок потрескалась и пошла гнилыми разводами. Кроме того, многолетняя патина делала изображение на кадрах почти неразличимым. Эти негативы следовало бы сдать реставратору, чтобы он спас хотя бы то, что еще можно было спасти. Вместо этого я сунул пленку под кран и с ужасом увидел, что вода попросту смывает с нее все образы. Идиот. Я достаточно быстро сообразил, что происходит, и вытянул ленту целлулоида из-под бьющей струи, но часть негатива была уже уничтожена.

На пленке был запечатлен я, еще ребенком, вместе с покойной мамой. Мы сидели на камне, на берегу моря, мама меня обнимала за плечи, мы улыбались, и это были, пожалуй, самые счастливые мгновения в моей жизни. Но что развеселило нас в ту минуту, что заставило наши лица светиться счастьем? В руке я держал морскую ракушку, поднес ее к уху, чтобы слышать убаюкивающий гул моря. Но о чем шептало мне море? О чем лгало? И как это банально — обманутые детские мечты! До слез!

Все еще только начиналось, все еще было впереди, все только ждало, все казалось возможным. Жизнь — сказка, сон. Упоительный сон. Путешествие, которому не будет конца. Погружение в грезу. И вот теперь эти очень дорогие мне кадры я уничтожил собственными руками. Кретин. Их уже не вернуть, как не вернуть и потерянной жизни.

Так и с моей личностью. Внутри меня что-то безвозвратно исчезло. Исчезло по моей вине. Стерто. Что-то самое ценное, то, что и есть настоящий я. Осталась лишь грязь. Одна лишь грязь. И ничего, кроме грязи. И ничто меня теперь не отмоет.

Мне стало неинтересно жить. Тяжело. Тошно. Недавно я хотел было все разом кончить. Мне пришла в голову мысль — лечь спать с открытым газом. Включить конфорку и забыться. Это была бы легкая, не самая мучительная смерть. Жить надоело, но мучиться я тоже устал. Все достало. Все опротивело. Все осточертело. Олдос Хаксли этот вопрос решил просто. ЛСД. Легкая смерть. Бегство интеллектуала. Интеллектуалы — трусы. Интеллект — для трусов. Не знаю, радоваться этому или печалиться, но я даже прикончить себя как следует не смог. Талантливые люди, говорят, талантливы во всем. Так и бездари во всем бездарны. Это про меня. Настроен я был решительно, но для того, чтобы так решительно настроиться, мне пришлось выпить приличную дозу коньяка. Меня разморило, и я уснул, не дойдя до кухни. Рухнул на ковер и вырубился. Ну разве не кретин?

3. ДЕМОНИЧЕСКАЯ ГОЛОГРАФИЯ

В последнее время со мною творится что-то неладное. Голоса в голове подстрекают меня разом закончить все эти мучения: выпить таблетки, вскрыть себе вены в ванной, броситься под поезд или выпрыгнуть из окна. Мне хорошо знакомы песни этих демонов, я много лет борюсь с их наваждениями. Это странно, но я не верю голосам, звучащим в моей голове, точно так же как я не верю людям, которых вижу вокруг себя. Все лгут, и все лжет, даже я сам себе лгу, чтобы случайно не признаться в чем-то очень страшном. Одна ложь. Всюду одна ложь.

Проснулся я ночью, лежа на полу. Почему-то с расстегнутой ширинкой и вывалившимися из нее причиндалами. Замерз. Снилось что-то омерзительное. В затылок скреблись мерзкие насекомые — то ли мадагаскарские тараканы, то ли жужелицы-многоножки. Не помню точно, да это и не важно. Во сне я был уверен, что эти насекомые скребутся злонамеренно, как люди, разумно. Ведь некоторые люди разумны. Хотя где найти таких людей? Я чувствовал, как острые коготки раздрают затылок. Мне стало страшно, что под волосами может потечь кровь и я буду не в силах ее остановить. Кровь нач-

нет литься не переставая, и я захлебнусь в ее липких струях или сдохну от кровопотери. Какое-то гадкое существо скреблось в меня, но я даже не пытался его отогнать. Было лень. Воля парализована. Я был скован странным чувством. Мне лень было даже пошевелить пальцем, чтобы прогнать эту мерзость. Лежу и терплю. Вот такое я ничтожество. Раздражал еще звук, издаваемый когтями неведомой твари. Было такое ощущение, что это скребут бритвой по стеклу. Или гвоздем по жестянке. Страшно было еще то, что во сне я понимал, что издавать такой звук при соприкосновении с моей головой когти насекомого не могут. Ведь мой череп не хрустальный шар и не жестянка, а кость не может звучать так, как стекло или жесь. Бред какой-то. В этом было что-то противоестественное. Вероятно, от чувства несуразности я и проснулся. Во рту смердела гадливая горечь. В окно трупной язвой сочилась луна, и ветка дерева, колеблемая ветром, билась в промерзшие стекла. Цок-цок. Так вот, оказывается, что издавало этот неприятный, скребущийся звук. Ветка. Все очень просто. Дерево скребет окно. Ветви задевают водосточную трубу. Никакой мистики. Никаких призраков.

Я немного успокоился, хотя тяжесть на сердце все еще не отпускала. Застегнул ширинку. Мне захотелось расплакаться, но я взял себя в руки. Слез моих никто не видел и не увидит. Лучше сгнить в психушке, чем радовать недоброжелателей, завистников и врагов. Их у меня много. Так пусть эта сволочь не радуется.

За окном лаяла собака. Лаяла и тихо подвывала. Было жутко. В трубах шумела вода. Все это вызывало во мне такое внутреннее напряжение,

что казалось, что я и сам сейчас либо залаю, либо прорвусь вместе с трубой под напором шумящей воды. Пусть из меня вытечет вся гниль! Но кем я был в эту минуту? Кем я вообще являюсь? Кто я? Кто я такой? Не хочу себя вспоминать, так как прекрасно понимаю, что уже давно не соответствую своим воспоминаниям. Раньше были друзья, были женщины, и это наполняло смыслом. Теперь тоже есть бабы, но смысла в мою жизнь эти твари уже не привносят. Твари. Похотливые обезьяны.

За что зацепиться? Чем себя обмануть, чтобы жизнь опять обрела ценность? Слишком много вопросов. Слишком много теней. Тени на стенах и отражения в стеклах создавали странный объем. Демоническая голография. Топкий морок. Тесный мирок. Люсидное наваждение заблудившегося сознания. Бред, втягивающий тебя в выморочный мир, лишенный четких законов, в страшную реальность, из которой нет возврата. Так всегда: угадывая себя во сне, ты видишь, что погружен в странное и страшное зазеркалье, в котором нет смысла, но которое тебя увлекает. Неужели только это теперь и осталось? Плутание в темном лабиринте. Бесконечное расщепление личности, пугающее, бессмысленное, недоброе, но всякий раз завораживающее процессом распада. Душе негде остановиться в этом лабиринте. Темные тупики, в которых не хочется задерживаться. Поневоле идешь дальше, хотя смысла в этом движении больше не видишь. Или само это бессмысленное движение, оно и есть смысл?

4. КАТЕХИЗИС БОКСЕРА

Иногда я думаю, что было бы со мной, не имея я таких физических данных, какие имею, и если бы я стал не спортсменом, а вел бы размеренный образ жизни, как все нормальные люди? Семья, дети, нудные будни, выдуманные праздники, опостылевшая работа, отупляющий труд от зарплаты и до зарплаты. Разве это люди? Это функции, шестеренки внутри чудовищного механизма. Их кормят визуальным мусором из телевизионных ящиков. Им внушают идеи и ценности, принять которые можно, лишь находясь не в своем уме. Стравливают народы, расы, делят смыслы, расщепляя при этом здравый смысл, извращают природу, насилуют вкус — если я продолжу перечислять все уродства, навязанные нам социумом и химерой нашей технократической цивилизации, меня попросту вырвет. Лучше перестать и лучше мне оставаться тем, кто я есть: опасным хищником среди не менее опасных, но более лицемерных механизмов. Живое vs синтетика, человек vs функции. Тупой боксер о таких вещах заботиться не должен. Не пристало и не к лицу. Ведь я же не «офисный планктон», просиживающий половину жизни за монитором, а вторую — у экрана телеви-

зора. Пусть рассуждают о жизни те, кто идет в обход этой самой жизни, а я варюсь в ее гуще, для меня и религия, и философия – это действие в чистом виде, короткое и эффективное, как хлесткий хук слева. Если я выйду на ринг и буду искать в нем мотивы для всех своих действий и поступков, меня очень быстро вынесут из него на носилках. Правила кровавой игры под названием «бокс» ко времени, проведенному на ринге, относятся как к чему-то священному. Это ритуал, прерывать который нельзя, иначе силы темных стихий, которые ты с помощью этого ритуала пробуждаешь, безжалостно тебе отомстят. Это античное действие, освященное самой нашей природой. Так я к этому отношусь. Но при парнях в раздевалке рассуждать на эти темы я бы не стал. Сакральные правила проговариваться вслух не должны, за это тоже полагается либо наказание, либо смерть. Хорошо быть шизофреником или заурядностью, что, в сущности, одно и то же. И для тех и для других реальность представляется чем-то убедительным, не вызывающим сомнений. Хорошо верить хоть во что-то, пусть это будет даже клинический бред или пестрая банальность, льющаяся с экрана телевизора. Большой разницы между ними, честно сказать, я не вижу. Мне не на что опереться, ведь и внутри себя самого я не нахожу твердой основы. Только на ринге мир обретает смысл. Есть противник, и его нужно победить. Есть пространство, за которое ты не должен вывалиться. И есть правила игры, по которым следует вести бой. Все по-честному. Без обмана. Даже время на ринге более осязаемо. И хотя оно неоднородно и субъективно,

как и во внешнем мире, но тут ты чувствуешь его плотность физически, кожей, всем своим нутром. Печенкой. Время становится твоим телом. Новым органом, новой мышцей. Когда я нападаю на противника и провожу серию ударов, время сжимается, как пружина. Если же соперник давит и мне приходится уходить от его ударов, время растягивается, как вязкая глина. Причуды времени всегда меня занимали, с самого раннего детства. Поначалу я часто путался в лабиринтах и налипающих сетях времени, текучесть, неуправляемость его меня пугала. Но потом я перестал замечать эти страхи, стал относиться к ним как к части увлекательного приключения. А к жизни я отношусь именно как к абсурдному, но порой очень занятому приключению.

5. МАНЬЯК-УБИЙЦА

Итак, была глубокая ночь. Темная. Сырая. В эту пору на улицах можно встретить только проституток, бездомную пьянь или полицейских. Мой внешний вид редко провоцирует шпану, пристать ко мне на улице решится не каждый. Чаще, наоборот, едва лишь завидев меня, люди переходят на противоположную сторону дороги. Хотя, конечно, были случаи, когда подгулявшие молокососы не считывали угрозы, исходившей от меня. Им казалось, что у них «письки длиннее». Теперь этим кретинам придется долго копить деньги на стоматологов. Одному из таких пьяных ковбоев я едва не загнал переносицу в мозг, он чуть не сдох. Был суд, но меня тогда оправдали, так как нашлось много свидетелей того, что не я первым затеял драку, а напавших на меня хулиганов было шесть или семь человек. Так что, по всем законам, я выходил пострадавшим. Мои фанаты были счастливы. Парень, изувеченный мною, выжил, я навещал его в больнице, но он теперь до конца жизни будет подмигивать глазом и трясти головой, как китайский болванчик. И поделом ему, не был бы реальным болваном, не стал бы китайским болванчиком. Его друзья из той «великолепной семерки»